

Н.М. Солнцева

Св. Сергей Радонежский и литература XX века

Аннотация: Статья посвящена восприятию личности св. Сергия Радонежского как в художественных произведениях XX в., так и публицистике. Привлечены высказывания из писем и дневников. Сделан акцент на полемических выступлениях писателей, мыслителей Серебряного века и русского зарубежья, касающихся отношений Церкви и государства, соответствия христианской морали и политики. Рассмотрены история создания произведений, биографический контекст, источники мотивов, стилистическая специфика. Материалом послужили тексты З. Гиппиус, С. Есенина, Б. Зайцева, И. Ильина, А. Куприна, О. Вышеславцевой, М. Пришвина, А. Ремизова, В. Розанова, И. Шмелёва, С. Франка и др.

Ключевые слова: аскеза, государственность, непотворение злу, св. Сергей Радонежский, Сергиев Посад, Франциск Ассизский, юродство

Annotation: The paper is devoted to the perception of St. Sergius of Radonezh in the XX century fiction and publicism as well. Statements from letters and diaries are also within the paper. The accent is done on polemics of writers and thinkers of Silver Age and Russian émigré in respect of relationships between Church and State, correspondence of Christian morality and politics. There were also regarded in the paper the history of works creation, biographic context, source of motives, specific of stile. Following texts were taken as the material: Z. Gippius, S. Esenin, B. Zaitsev, I. Ilyin, A. Kuprin, O. Vysheslavitseva, M. Prishvin, A. Remizov, V. Rozanov, I. Shmelev, S. Frank.

Key words: asceticism, nationality, non-resistance to evil, St. Sergius of Radonezh, Sergiev Posad, St. Francis, craziness

Св. Сергей Радонежский в литературной и философской мысли – пример духовной цельности, гармонии религиозных ценностей и повседневных трудов, мера нравственности. В этом сходились мыслители с различными – ортодоксальными и неохристианскими – воззрениями. И.А. Ильин в речи 1934 г. («Творческая идея нашего будущего», изд. отдельной брошюрой в 1937) говорил о том, что духовная сила русского характера создавала Россию, и среди славных имен называл св. Сергия. Но и В.В. Розанов («Эллинизм», 1901), считавший, что древний эллин «вытекает» из язычества, как европеец из

христианства, что эллинизм суть поклонение плоти, а христианство – духу, называл Сергия Радонежского отцом по духу.

Вместе с тем история общественных движений и интеллектуальных исканий XX в. говорит и об обратном. Вот запись мыслей Д.С. Мережковского, сделанная А. Блоком 23 декабря 1911 г.: «Не было Имени. “Не дожимайте меня” Сергием Радонежским, Серафимом Саровским – “я знаю, чем это пахнет”»¹. Очевидно, ссылки на святых воспринимались им лишь как неубедительная ортодоксия, демагогия, слабый аргумент, свидетельство мыслительной беспомощности. С высказыванием Мережковского коррелирует фрагмент из заметки З.Н. Гиппиус с ироничным названием «“Православный” Струве» (1925). Гиппиус обрушивается на П.Б. Струве за то, что тот в эмиграции возглавил «Возрождение» («православно-политическую» газету, взявшую курс на «реставрацию») и защищает Ильина, ее оппонента, за то, что православие для Струве – «испытанная подпорка», за то, что он использует православие в политических целях: «В искренности Струве я несколько не сомневаюсь. Почему, в самом деле <...> не использовать ему, для защиты политики Ильина, Шульгина, Ольденбурга и т. д., – то Сергия Радонежского, то Серафима Саровского, от которого, при случае, можно перескочить к Константину Великому»².

Сергий Радонежский как знаковое для России явление и напрочь отвергался. Например, в утопии С. Есенина об иной стране («Инония», 1918):

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.
Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.
Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож³.

Грубость эскапады объясняется страстной верой в земной рай без мучений и аскезы, в пореволюционное блаженство здесь и сейчас, в космогоническую мощь человека Инонии. К слову, Есенин был крещен в церкви Казанской иконы Божией Матери, что в Константинове, и наречен Сергеем в честь Преподобного Сергия Радонежского.

¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7 / Подгот. текста, примеч. В.Н. Орлова. М.; Л.: Худож. лит., 1963. С. 106.

² Гиппиус З.Н. Мечты и кошмары: В 3 т. Т. 1. Неизвестная проза 1920–1925 годов / Сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николокина. СПб.: ООО Издательство «Росток», 2002. С. 460, 461, 462.

³ Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения, 1910–1925 / Вступ. ст., сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 180–181.

Но и в неутопической сфере русского существования, в пределах официальной идеологии созданное св. Сергием забывалось – и не только государством, но и простым человеком. Вот запись в дневнике М. Пришвин от 4 марта 1940 г.: у стен Лавры «мерзость запустения и море злобы, кипящей вокруг древних стен. То, что мне было красотой, в жизни возбуждало злобу, служило источником зла. // Как это могло случиться, что подвиг любви к Богу преп. Сергия стал источником зла среди людей?»¹

Однако св. Сергий и в советские времена для людей был утешителем и выразителем родовой жизни. Н. Клюев в письме В.Н. Горбачевой, жене С.А. Клычкова, из томской ссылки в 1935 г. (не позднее 2 марта) спрашивает, сколько сохранилось его икон после ареста, и упоминает среди них Явление Богородицы преподобному Сергию: «<...> икона семь вершков, с нею в руках умерла моя мать»². Еще один пример. О.Н. Вышеславцева, вдова художника Н.Н. Вышеславцева, тайная монахиня Мария, вспоминала («Куда мог деться акафист?»), как дала знакомой изданные «там» журналы с публикацией материалов митрополита Мануила (Лемешевского), как отсидевший двадцать пять лет брат знакомой в ужасе их обнаружил, как чудесным образом удалось найти замену уничтоженному им изданию, – и во всей этой истории видела волю св. Сергия: в тот день она собиралась ехать в Лавру, не нашла акафиста Преподобному, который обычно брала с собой, но который опять же чудесным образом был найден только после того, как благополучно разрешилась ситуация; в Лавре, в облюбованном уголке Троицкого собора, она благодарила Преподобного за то, что он позаботился о душевном покое ее знакомой. Особенно потребность в обращении к св. Сергию как источнику духовной силы проявилась в эмиграции первой «волны». 17 декабря 1927 г. И. Шмелев написал И. Ильину: «Нам надо Сергия Преподобного!.. Надо Утешителя... надо выжечь всяческую гниль и окаянство из интеллигентских душонок, у политиков подлых...»³

В июле 1924 г. в Париже было основано Русское церковное подворье, ему было дано имя Сергия Радонежского. О Сергиевом подворье пишет Б. Зайцев («Обитель», 1926), о самом Преподобном, о Троице-Сергиевой Лавре появились произведения и документальные, и художественные. О нем писали А. Куприн, И. Шмелёв, Б. Зайцев, вышли книги В.И. Ильина «Преподобный Сергий Радонежский» (1925), Н.М. Зёрнова «St. Sergius, Builder of Russia» (1939). Последняя написана на английском языке, как и труды Зёрнова «Moscow the Third Rome» (1937), «The Church of the Eastern Christians» (1942), «Three Russian Prophets. Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev» (1944, 1974), «The

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселёвой, Л.А. Рязановой. М.: РОСПЭН, 2012. С. 73–74.

² Клюев Н. Словесное древо: Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб.: ООО Издательство «Росток», 2003. С. 354.

³ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934) / Сост., вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. С. 80.

Russians and Their Church» (1945), «The Reintegration of the Church» (1952), «Ruslands Kirke of Nordens Kirker» (1954), «The Christian East» (1956), «Eastern Christendom» (1961), «Orthodox Encounter» (1961) и др.

Зёрнов адресовал свои работы западному читателю. С 1947 г. он преподавал в Оксфордском университете. Он был убежден, что христианская цивилизация в опасности и ее будущее зависело от того, насколько общество и власть принимают Церковь. Его книга о св. Сергии – реакция на кризис самосознания русской интеллигенции, уничтожившей – в этом он был убежден – государственный строй. К подвижничеству св. Сергия обращались люди противоположных идеологических установок, например евразийцы и критики евразийства. О св. Сергии читали лекции: Н.К. Рерих в харбинской «Чураевке» выступил с докладом о нем «Несение света», чикагский журнал «Москва» (1930, №4[14]) опубликовал отрывки из лекции о нем Г. Гребенщикова и т. д.

В эмигрантских кругах особенно остро прозвучала тема религиозного подвижничества и государственности. Преподобный Сергей для эмигранта – «человек масштаба государственного»¹, как писал Шмелёв О.А. Бредиус-Субботиной. Ильин обращался именно к государственному значению Преподобного Сергия («Белая идея», 1926). О таком Сергии Зайцев создал документальное повествование «Преподобный Сергей Радонежский» (1925). Но и ранее, особенно в связи с революционными событиями, вставал вопрос о Церкви как устроительнице государства. Розанов («Союз Церкви и государства в сфере народных училищ», 1910) писал о том, что Сергей Радонежский, как Серафим Саровский, Тихон Задонский, Димитрий Ростовский и др., «выпестали Русское государство», «благословляли государственную власть», «укрепили государственную власть», наставляя народ не роптать против нее, что пришло к не помышлявшим о государственности князьям от греков-крестителей с их этикой чиновничества; но в русских святителях не было никакой «политической угодливости»².

Соположение понятий «подвижник» и «государство» в русле представлений о совестливости и в условиях политических гонений встречаем и у писателей советской эпохи. Пришвин 8 апреля 1941 г. записал в дневнике: «Горький должен был представить собой народную совесть в согласии с государственным делом, как было это во время Дмитрия Донского с преп. Сергием. При конце жизни Горького оказалось, что весь “монастырь” его состоит из “врагов народа”»³.

¹ Письмо И.С. Шмелёва О.А. Бредиус-Субботиной от 21 марта 1947 / И.С. Шмелёв и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. 2 / Подгот. текста, коммент. А.А. Голубковой, О.В. Лексиной, С.А. Мартыановой, Л.В. Хачатурян. М.: РОССПЭН, 2004. С. 615.

² Розанов В.В. Собр. соч.: Загадки русской провокации / Общ. ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб.: Республика, Ростов, 2005. С. 175, 176.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1940 – 1941. С. 417.

В связи с проблемой государственности обострилась и проблема сопротивления злу. Зайцев в «Преподобном Сергии Радонежском» задается вопросом о том, как в тихом отшельнике, скромном игумене, не политике проявились силы противостояния врагу – Сергий дал Дмитрию «благословение на кровь» (504)¹.

Тогда же была написана работа И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925), и в ней позиция Св. Сергия в разрешении проблемы непротivления злу силою подана как веский аргумент в пользу протivления: «Воин как носитель меча и мироприемлющего компромисса нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плéромы: здесь он приближается благодати в таинстве и получает силу для подвига; здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится огненной молитвой. Таков Дмитрий Донской у св. Сергия перед Куликовской битвой»². Ильин уверен в том, что Л. Толстой не призывал к абсолютному непротivлению, поскольку оно ведет к «нравственному саморазвращению», а лишь перенес борьбу «во внутренний мир человека»³. Однако Ильин считал, что Толстой подчинил религиозный опыт морали.

Зайцев в своем повествовании показал соположение слова и дела в жизни Сергия. Вот и Ильин в евангельской истории не видел противоречия слова и дела, писал о том, что слова «не противиться злему» (Мтф. 5: 39) означают лишь кроткое перенесение личных обид: «Кто ударит тебя в правую щеку твою» (Мтф. 5: 39, Лука 6: 28), «взять у тебя рубашку» (Мф. 5: 40, 42, Лука 6: 29, 38), «Просящему у тебя», «взявшего твое» (Лука 6: 30) (курсив Ильина. – Н.С.). Этот вопрос, конечно, встал и до революции, до эмиграции. Розанов («Еще о гр. Л.Н. Толстом и его учении о несопротивлении злу», 1896) воспринимал слова Спасителя о непротivлении не как завет, а как «увещание», Толстой же «поработил все Евангелие одной строке»⁴. Розанов («Христианство пассивно или активно?», 1897) высказался против христианства безэнервного, пассивного и потому оледеняющего человека.

Если С.Л. Франк вскоре после революции («De profundis», 1918) писал о том, что религиозное сознание не училось бороться, «все лучшие силы русского духа стали уходить на страдание и страдательность, на пассивность и бездейственную мечтательность»⁵, то книга Зайцева все же корректирует эту тезу. Более того, Зайцев, желая или не желая того, противопоставил своего Преподобного литературной традиции изображать, как писал Ильин в «Со-

¹ Зайцев Б. Осенний свет / Сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Сов. писатель, 1990. Здесь и далее номера страниц указаны в скобках.

² Ильин И.А. Путь к очевидности / Сост. П.В. Алексеев, В.И. Кураев, послесл. В.И. Кураева, примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. С. 131.

³ Там же. С. 12.

⁴ Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 12.

⁵ Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 496.

противлении злу силою», героические натуры злодеями, а добродетельные – патриотически индифферентными ипохондриками.

Позиция Зайцева выражена ясно: Сергей «не за войну, но раз она случилась, за народ и за Россию, православных» (505). За вопросом Зайцева, благословил бы Христос на войну, «даже национальную», последовал другой: «И кто отправился бы за таким благословением к Франциску?» (504) Православный в стране католиков, Зайцев проводит сопоставление обоих святых на протяжении всей книги, актуализируя еще одну тему – национальной идентичности. Описывая непринудительную аскезу Сергея, его природную потребность в самовоспитании, «выглаживании, выпрямлении души к единой вертикали» (482), он пишет об ином типе самоограничения – об экстазе Франциска Ассизского, блаженного, а в русском понимании юродивого. Юродство чуждо Сергию, в нем «не-надломленность, не-экстатичность» и «решительно ничего нет болезненного», он «умерен, прост, сдержан» (483), в нем «дух первохристианской простоты и бедности» (484). Эта простота святости – суть образа Сергея. З. Гиппиус справедливо писала в рецензии на книгу: «Из сонма угодников и подвижников, чтимых народом русским, не к буйному, деятельному Николе преданий и не к живому, настойчивому лесному “батюшке” Серафиму, такому сравнительно недавнему, влечется сердце художника: но к простоте далекого Сергея»¹.

Зайцев пишет о том, что в Сергии было послушание, он, по просьбе отца, не покинул дом до смерти родителей, «св. Франциск ушел, конечно бы, отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига» (479). Или: Сергей – созерцатель и труженик (Розанов называл Преподобного трудолюбцем [«Опять “праздники”», 1910]), а Франциск Ассизский «не чувствовал под собой земли», «не мог ничего на земле учредить», весь был в апостольской проповеди, труд и трудолюбие, скрепляющие человека с землей, «для него не существенны» (486). Сергей не проповедник, учил своим примером, собою, не «прямым миссионерством» (486) и, будучи глубоко православным, насаждал «в некотором смысле западную культуру (труд, порядок, дисциплину) в радонежских лесах, а св. Франциск, родившись в стране преизбыточной культуры, как бы на нее восстал» (486–487). И хотя в обители Сергея укоренялись черты западной монастырской культуры, для Запада немислимым характер Сергиева игуменства; так, после трехдневного голода он взялся за топор и построил сени к келье некоего старца Даниила за куски гнилого хлеба.

В деяниях св. Сергия Зайцев, таким образом, расставил принципиальные для человека XX в. акценты. При этом он не отступил от документальных основ предыдущих жизнеописаний, прежде всего – написанного Епифанием

¹ Гиппиус З.Н. Борис Зайцев. «Преподобный Сергей Радонежский» // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмары. Т. 1. С. 393.

Премудрым через двадцать шесть лет после смерти Преподобного «Жития Сергия Радонежского (1417–1418).

Текст Епифания не дошел до нас, он реконструирован по компилятивным сводам. Сохраненное в редакции Пахомия Лагофета, повествование было дополнено фактами и изменено стилистически. Новая редакция жития была создана Симоном Азарьиным (1654). А.М. Любомудров, сопоставив тексты «Преподобного Сергия Радонежского» и составленные иеромонахом Никоном «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» (1891), пишет, что произведение Зайцева «во многих отношениях является конспектом труда Никона, его обработкой, переложением. Иногда тексты очень близки»¹.

Зная специфику стиля Епифания, А.М. Ремизов писал о нем: «заворожил словоплетением русскую книгу», его слова – цветы, из этих слов-цветов он «плел венки»². Стиль Епифания, по Ремизову, – это «плетение орнамента»: «Слово как таковое часто теряет здесь свои выразительно-смысловые функции; элементы речи объединяются не столько логической связью, сколько на основе своей фонетической стороны, путем рифмы, ассонанса, путем гибкого видоизменения и сочетания слов одного корня»³. Ремизов считал, что стилистически Епифаний повлиял на язык А. Белого. Возможно, и на самого Ремизова. Есть удрученность в его словах: «Потом пришел ученый афонский мужик Пахомий Лагофет и сапожищами ну топтать цветы», и его стиль был признан «общедоступным для среднего читателя»⁴.

Такому читателю доступен и язык Зайцева. Он не стремился к модернизации стиля, как и образа Преподобного. Его стиль не угнетает смысла и не украшает подвижничества героя, что соответствует личности самого Сергия. К слову, Зайцев пишет, что сила Сергия не в науке и что Епифаний был «выше его как писатель, как ученый» (477). Он – Премудрый. Язык «Преподобного Сергия Радонежского» классический, строгий; причем настолько, что Гиппиус в цитируемой ранее рецензии посчитала это за «недостаток»: «Увлечшись “простотой, негромкостью” облика Сергия, главным образом простотой, автор, полуневольно, должно быть, но искусственно упрощает свой язык. Однако вместо “прохлады и сдержанности” получается местами сухость изложения и нарочитый примитив»⁵.

Повествование Зайцев начинает от рождения мальчика Варфоломея, сына ростовских бояр Кирилла и Марии. Где было их имение, «теперь заштатный Варницкий монастырь» (475). Варницкий монастырь нашего времени заштатным

¹ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе Русского Зарубежья: Борис Зайцев. Иван Шмелёв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

² Ремизов А.М. Петербургский буерак // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буерак / Гл. ред. А.М. Грачева. М.: Русская книга, 2003. С. 355.

³ Там же. С. 355–356.

⁴ Там же. С. 356.

⁵ Гиппиус З.Н. Борис Зайцев. «Преподобный Сергий Радонежский». С. 395.

не назовешь. Приученный в детстве к труду скорее крестьянскому, чем боярскому, сформировавшийся в «героическом духе средневековья» (474), св. Сергей благословил князя Дмитрия на победу «мира европейского, христианского», тем самым подняв национальную самооценку – не «данники татарщины» (507). Зайцев, как и его предшественники, описывает чудотворность св. Сергия. Он пишет и о чуде Варфоломея еще до его рождения. В одно из воскресений во время литургии, незадолго перед чтением Евангелия, младенец крикнул во чреве Марии; «на херувимской он крикнул еще сильнее», затем крикнул еще раз при словах священника «Вонмем! святая святым!» (475) Крик не рожденного чада слышали прихожане. Сюжет о чудесном младенце во чреве матери встречаем и в «Царе Соломоне» (изд. 1957, рукопись датирована 1948) Ремизова: царь Соломон заговорил во чреве царицы, та испугалась («Какой это мне сын будет? Если и во чреве моем говорил такое, а вырастет, и не так еще скажет: убьет он меня»¹) – и обменяла Соломона на сына кузнеца. Мария же дала обет посвятить дитя служению Богу.

Чудотворность св. Сергия – основа рассказа И. Шмелёва «Куликово Поле» (1939–1947). Всё написанное Шмелёвым о Преподобном – пример того, как святой направляет веру писателя. Если Зайцев до того, как обратился к образу Преподобного, уже сердечно и спокойно принял чудотворность Сергия, то Шмелёв обретал непосредственность, сердечность веры в чудо в процессе работы.

Мистически случаен был повод написать этот рассказ. 20 марта 1937 г. у могилки жены, Ольги Александровны, Шмелёв узнал от посетителя кладбища, Васильчикова, историю, рассказанную ему родственниками. Услышанное он воспринял как знамение, как дар от умершей супруги. История такова: лесной объездчик бывшего имения графа Ю.А. Олсуфьева, известного специалиста по древнерусскому искусству, собирателя древностей, встретил св. Сергия, передал ему старинный крест для своего хозяина, который жил в Сергиевом Посаде с женой – С.В. Олсуфьевой, в девичестве Глебовой, и племянницей, работал там хранителем музея; святой передал крест Олсуфьеву и наутро тихо, не прощаясь, исчез, при этом двери и окна дома были заперты изнутри. В 1949 г. княжна С.Е. Трубецкая рассказала Шмелеву о том, что участников событий после их ареста нет в живых: Олсуфьев бесследно пропал, племянница умерла в ссылке. Она же сообщила, что крест видела и целовала ее родственница А.М. Осоргина, сестра М.М. Осоргина – регента Сергиева Подворья.

Можно добавить, что Олсуфьев в 1900-е гг. продолжал дело отца, графа А.В. Олсуфьева, по возведению храма во имя св. Сергия Радонежского на Куликовом Поле, что после Февральской революции он с женой и сыном, а также с воспитанницей основанного Олсуфьевыми приюта обосновался в Сергиевом Посаде, что познакомился там с Розановым, помогал ему, что занимался сохранностью памятников старины в Лавре, что по его предложе-

¹ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 6. Лимонарь. 2001. С. 558.

нию ризничим Троицкого собора стал П.А. Флоренский и вместе они выполнили научное описание ценностей ризницы, что арестовали его 24 января 1925 г. и освободили 10 февраля 1925 г., что после освобождения он продолжил свое дело по сохранности древностей, писал научные труды, что по приглашению И. Грабаря работал в Центральных реставрационных мастерских в Москве, потом в реставрационных мастерских Третьяковской галереи, что был вновь арестован в январе 1938 г. и расстрелян 14 марта на Бутовском полигоне. С.В. Олсуфьева была арестована в 1941 г., скончалась в Свияжском лагере в 1943 г. Сохранился ее пастельный портрет работы В. Серова (1911). Сын тайно эмигрировал в 1924 г.¹

С одной стороны, судя по авторскому вступлению к рассказу, Шмелёв был под влиянием слов Ильина об исключительности исторического бремени и духовной мощи русских, зримо умирающих и незримо возрождающихся. Во время работы над «Куликовым Полем» Шмелёвым владела мысль о связи жизни очевидной, видимой, и уже нездешней, о сверхматериальности святых мощей; он мысленно обращался к словам из Апокалипсиса: «И времени уже не будет...» (10: 36) С другой стороны, он старался – безуспешно – объяснить чудо логикой, соединить идею о несуществовании времени вне материи и теорию вероятности, которой заинтересовался в 1939 г. Первый вариант рассказа был завершён в 1939 г., публиковался в том же году в «Возрождении» с января по март. Ильин прочитал рассказ и почувствовал, что автор сам как бы не верит в чудо. Шмелёв не скрывал от него сомнений: «<...> конечно, Вы правы, да я же и предупреждал Вас, какое во мне томление и сомнение. <...> Бьюсь в сомнениях, не найду простой веры, детской, горкинской»². Ильин советовал ему читать Феофана Затворника, убеждал в том, что Господь к человеку ближе, чем его сонная артерия.

Работу Шмелёва над текстом можно воспринять как свидетельство изменений в отношении писателя к явлению св. Сергия. До 1947 г. он неоднократно дополнял, исправлял готовый рассказ. 7 января 1942 г. он писал Бредиус-Субботиной о том, что, узнав от Васильчикова о случившемся, долго вынашивал замысел: «Я два года таил этот “случай”, – он был мне дан в 2–3 словах, – я все наполнил сам, т. е. сам как бы “повел следствие”, внес, конечно, много из своего личного опыта, – разговор с профессором, “абсурд”, и – самое трудное! – язык Преподобного. Сколько я тут положил души – это только я знаю: без помощи свыше я не мог бы одолеть трудностей»³. В одном из последних вариантов 1947 г., по мнению Ильина, уже была простота, сердечность веры и убедительность. Но Шмелёв еще не раз переписал рассказ и в мае сообщил Ильину:

¹ Смирнова Т.В. Ю.А. Олсуфьев: материалы к биографии // Труды ГИМ. Забелинские научные чтения – 2005. М., 2006. Вып. 158. С. 328–342. [Tvsm.ucoz.ru>hdf/statji /muzeum/muz_olsufjev.pdf](http://Tvsm.ucoz.ru/hdf/statji/muzeum/muz_olsufjev.pdf)

² Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). С. 264.

³ Письмо к О.А. Бредиус-Субботиной от 16.01.42 // И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: В 2 т. Т. 1. / Сост. Л.В. Хачатурян. М.: РОССПЭН, 2003. С. 440.

«В 10-й раз! – и окончательно! – продрал “Кул<иково> Поле”»¹. Не без удовлетворения он говорил о том, что в рассказе посмел веру жизнью доказать.

В центре событий – крест, найденный объездчиком Василием Суховым на Куликовом Поле, в имении Среднева, и в день восьмой годовщины Октября переданный чудесным старцем проживавшему в Загорске (в Сергиевом Посаде) Средневу, потомку дружинника Дмитрия Донского, а также его супруге и дочери Олечке как Господнее знамение спасения. При свете лампадки Оля увидела лик Преподобного, и «ее потрясло священным ужасом» (156)². Рассказчик, пораженный случившимся, принял явление старца как благовестие Преподобного Сергия об одолении, о возрождении, а его состояние, по видимому, было сродни чувствам Шмелёва: «<...> он отнял от лица руки, оглянул *все* стыдливо, смущенно, радостно, новым каким-то взглядом... смазал, совсем по-детски, слезы, наполнившие глаза его, и прошептал облегченным вздохом, как истомленный путник, желанный покой обретший:

– Господи!..» (163–164).

С именем Сергия Радонежского связана и повесть Шмелёва «Богомолье» (1930–1931). Через «Богомолье» он хотел найти пропавшее из его жизни. Шмелёв писал 10 февраля 1930 г. критику, журналисту В.Ф. Зеелеру о том, какой он чужой в Европе. Но дело все же не столько в Европе: в 1929-м он узнал о разрушении часовни Иверской Божией Матери и был поражен бездействию народа, тому, как иссякли в народе почвенные основы. По этому поводу К. Бальмонт в письме Шмелёву от 6 августа 1929 г. назвал страну «опоганенным местом»³. Бальмонт считал, что надеяться можно только на людей вроде Г. Радковича и М. Захарченко – участников РОВСа. Шмелев был далек от РОВСа. Он, как писатель, обратился к теме устоев и полагал, что «Богомолье» – самое значимое его произведение.

Зайцев писал о том, что св. Сергий не был ученым проповедником. Шмелёв, погружаясь в труды богословов и философов, не раз признавался себе, что, при всем старании, не может постичь веры через ученость. Главный герой – мальчик. Его прототип – Шмелёв; в 1935 г. в «Возрождении» появилась статья Ильина «Святая Русь. “Богомолье” Шмелева», и в ней «Богомолье» было названо исповедническим произведением.

Ваня сердцем понимает свое сродство с духом Лавры. В повести передан его тихий, детский, непосредственный восторг от того, что мир един и для него, и для Преподобного Сергия. Восторг наивный, он даже лошадку спрашивает, рада ли она, что пойдет с паломниками к Преподобному. Все его маленькое существо пронизано ожиданием встречи со св. Сергием. За десять верст до Лавры ему привиделась розово-золотая троицкая колоколенка.

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950). С. 126.

² Здесь и далее цит. по: Шмелёв И.С. Собр.соч.: В 8 т. Т. 2. Въезд в Париж / Сост., предисл. Е.А. Осьминой. М.: Русская книга, 1998. Номера страниц указаны в скобках.

³ Константин Бальмонт – Ивану Шмелёву. Письма и стихотворения. 1926–1936 / Сост., вступ.ст., коммент. К.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука, 2005. С. 170.

Самое чудесное во время паломничества объясняется присутствием Св. Сергия. Например, неожиданная встреча в Сергиевом Посаде с незнакомцем Аксеновым, который, оказывается, много лет назад мастерил тележку паломников; Аксенов говорит им, что сам Преподобный привел их к нему. Старец Варнава в Гефсиманском скиту – ласковый утешитель, он прост, в нем нет строгости наставника, и он описан Шмелёвым таким, каким показан Сергей Зайцевым. К слову, Зайцев повесть Шмелёва «плакал-читал»¹.

«Богомолье» стало культовым. Вдова Бальмонта через неделю после смерти поэта рассказала, что за четыре дня до кончины он попросил ее почитать ему «Богомолье». Шмелеву передали, как В.И. Немирович-Данченко перед кончиной читал «Богомолье». За несколько дней до смерти митрополит Антоний (Храповицкий) пожелал, чтобы ему читали «Богомолье». Даже далекие Шмелеву писатели приняли «Богомолье». У него с Алдановым были достаточно прохладные отношения (Шмелев считал его писателем без любви и страсти), но Алданов сердечно благодарил его за «Богомолье». Мережковский и Гиппиус не переписывались со Шмелевым десять лет, но в 1935 г. она выразила ему свое почтение, не стесняя себя в комплиментах, искренне писала ему о том, какие живые чувства пробудило в ней «Богомолье». Факт тем более интересный, что Мережковский и Гиппиус как раз понимали веру через ученость, через идею. Шмелев получил ее письмо 30 марта, был обрадован и в тот же день написал Ильину: «<...> не могу не пройтись эдаким кубарьком враскачку»². Не менее был удивлен Ильин: «Молодец, старушечья. И честно так обратилась. А фараон – промолчал? Невесте поручил?»³

А.И. Куприн в рецензии на «Иисуса Неизвестного» (1932–1934) Мережковского писал, что у него, Куприна, нет таких знаний, что сам он верит наивно, как плотники, солдаты, деревенские бабы, пчеловоды. Этим он был близок Шмелеву. Интересная ситуация – приблизительно в то же время, когда написано «Богомолье», Куприн написал рассказ о паломничестве ребенка в Лавру – «У Троице-Сергия» (1930). В обоих рассказах похожие герои – провинциальные батюшки, полные жизни, те же посадские обитатели, та же детская наивность, тот же восторг, та же духовная, даже почти физическая, близость к Преподобному. Куприн пишет о детских ощущениях от паникадила и огня восковых свечей, от дырявого холщового веретя, в которое облачался Преподобный Сергей в години бедствий, от раки Преподобного: «Жутковато, но и доверчиво было прикоснуться губами к жесткой холодной парче, таинственно и сладко пахнувшей мирром»⁴. И у Шмелева читаем: «Мне страшно. Бледный палец высокого монаха, с черными горошинами четок, указывает мне прошитый крестик из сетчатой золотой парчи на розовом покрове. Я целую, чувствую гу-

¹ Письмо И. Шмелева И. Ильину от 15.04.1935 // Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). С. 44.

² Там же. С. 38.

³ Письмо от 5.04.1935 // Там же. С. 41.

⁴ Куприн А.И. Собр.соч.: В. 9 т. Т. 8 / Общ. ред. Н.Н. Акоповой, Ф.И. Кулешова, К.А. Куприной, А.С. Мясникова. М.: Худож. лит., 1973. С. 83.

бами твердое что-то, сладковато пахнущее мирром. Я знаю, что здесь Преподобный Сергей, великий угодник Божий» (486). Не исключено, что произведения Шмелёва и Куприна – следствие их общения.

И еще об одном акценте в обращении писателей к св. Сергию. Поведение Преподобного – аргумент в полемике, и мы вновь обращаемся к работам Розанова. Розанов жил в Сергиевом Посаде. Город был средоточием интеллектуальных сил (герой «Куликова Поля» – один из них). Так, Розанов считал, что появлению феномена В. Ключевского мы обязаны Сергию Радонежскому, Троице-Сергиевой Лавре, где он был профессором («Ключевский. К 75-летию со дня рождения В.О. Ключевского», 1916). Розанов похоронен в Гефсиманском скиту, его могила рядом с могилой К. Леонтьева. Как мне рассказывал свидетель событий С.С. Лесневский и как рассказывают насельники скита, места захоронения были восстановлены лишь приблизительно – по описанию Пришвина.

Преподобный был для Розанова опорой в спорах, прежде всего с Н. Бердяевым. Их разногласия проявились и в идеях, и в стиле. Бердяев писал о «вечно бабьей» творческой и интеллектуальной манере Розанова («О “вечно бабьем” в русской душе», 1914). Но и Розанов, в свою очередь, не без иронии писал о стиле книги Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916) и выдвигал такой аргумент: «Ведь русские, от Преподобного Сергия Радонежского до Серафима Саровского, действительно были куда как не речисты»¹ («Новая религиозно-философская концепция», 1916). Отсылка к Преподобному должна была укрепить точку зрения на Бердяева – не философа, а проповедника, переносящего в мир церкви байронизм, демонизм; на Бердяева, желавшего, как полагал Розанов, воздвигнуть в русской Церкви нового героя вроде Блаженного Августина. Или в другой статье, говоря о влиянии французского модернизма на религиозно-философскую мысль Бердяева, он вновь противопоставляет ему Сергия Радонежского и Серафима Саровского («Бердяев о молодом московском славянофильстве», 1916).

Полемизуя с современным духовенством («Союз Церкви и государства в сфере народных училищ», 1910), Розанов и ему противопоставляет св. Сергия, человека духовной и государственной силы: духовенство 1900-х годов «ослабело и значительно поотстало от государства»² (а потому следует разделить церковно-приходские школы, предметное, научное преподавание должно контролироваться светским «чиноначалием»). Розанов приветствовал («Избегнутая ошибка», 1910) решение иерархов Св. Синода не отлучить от Церкви ряд писателей (это предложение было высказано на мессионерском съезде в Казани). Приветствовал тем более, что есть писатели, «беллетристы-эротики»³, например Каменский, Арцыбашев, Андреев, которые вообще не имели никаких отношений с Церковью. Он задает вопрос: как можно отлученного не пустить в

¹ Розанов В.В. Собр. соч.: В чаду войны / Общ. ред. А.Н. Николокина. М.; СПб.: Республика, Ростов, 2008. С. 237.

² Розанов В.В. Собр. соч.: Загадки русской провокации. С. 176.

³ Там же. С. 364.

церковь, если у того нужда прийти в церковь? и как поступил бы св. Сергей, для которого такой человек – просто скорбящий человек?

Розанов обращался к личности Преподобного и в своих напаках на русскую литературу. Вот он пишет в «Мимолетном» (1915) о Сергии как основе, из которой выростала Русь, и упрекает русскую литературу (не только Гоголя, одностороннего, как он считал, в изображении русской бездушности), которая прошла мимо Сергия, сначала «нечаянно», потом из-за своей «гордости», «самонадеянности» – «нарочно»¹.

Личность Преподобного для писателя XX в., в том числе и в СССР, например в романе Д. Балашова «Похвала Сергию», – религиозно-нравственный, гражданский, мировоззренческий символ созидательной силы. Как тот же Розанов писал: мир построен на двух началах, был «яркий, железный человек – Разин», но и Сергей Радонежский человек большой силы, но «один разрушит, другой создаст»² («Одна из замечательных идей Достоевского», 1911).

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
докт. филол. наук,
профессор
филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова

Natalia Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

¹ Розанов В.В. Собр. соч.: Мимолетное / Общ. ред. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 1994. С. 146.

² Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. С. 493.